

КЛИМАТ

2 декабря 2017

ДЖИННЫ И ФЕИ НАС СПАСУТ

Полтора градуса. Это число — не только то, что дало имя коллективу birbuçuk, но и политико-философский порог. Остаться ниже него — значит требовать радикального преобразования системы. Подняться выше — управляемое отступление для богатых, катастрофа для большинства. Эта рамка охватывает всю встречу.

«Они говорят, что единственное решение — отрицательные эмиссии. Подумайте — это ничем не отличается от того, чтобы сказать: нас спасут джинны и феи.»

Обещания технологических решений в реальности — это часть пути, ведущего к нагреву в 4–5 градусов. Технология отрицательных эмиссий, зелёный рост, улавливание углерода — всё это продолжение той же модернистской логики: искать решение инструментами той же системы, не подвергая её самой сомнению. Но климатическая тема выходит далеко за пределы темы охраны окружающей среды. Это значит заняться всеми бедами, что навесила на нас индустриальная система — и сделать это без политической борьбы, без организации невозможно.

Зелёная политика — это не вариант, это необходимость. Она отличается и от просто экологизма, и от традиционной левой политики — она требует одновременно мыслить экологическую необходимость, социальную справедливость, демократическое участие и системное преобразование. Без целостного взгляда невозможно справиться ни с одной из этих тем.

Но важно и то, откуда вы пришли и где находитесь. Разные интеллектуальные родословные производят разные экологии. Англо-саксонская экокритика, европейские зелёные движения, традиция политической экологии после 2000-х, особый контекст Турции — антиядерное движение, Гези, конкретные местные борьбы — питаются разными источниками. Универсального экологизма не существует. Между традицией Джона Мьюра и традицией Ивана Иллича, между немецкими «Зелёными» Рудольфа Баро и турецким экологизмом 1990-х есть глубокие различия. Признать эти различия — предпосылка настоящего диалога — речь не о «правильно/неправильно», а о том, где, когда и с кем формируется мысль.

ПОБЕДА ПОМАЛУ

Один голос изнутри климатического активизма ставит лицом к лицу с горькой правдой: в климатическом вопросе побеждать помалу — то же, что проигрывать. Разочарование на саммите COP в Копенгагене — гигантская полицейская сила, драматический марш, в конце концов рухнувший стол переговоров — это точка излома, перехода от наивной надежды к стратегическому реализму.

«В стратегии происходит сдвиг: от подходов, центрированных на потреблении, к борьбе за удержание ископаемого топлива под землёй. От стороны спроса к стороне предложения. От индивидуальных выборов к действиям по разрушению инфраструктуры. Гражданское неповиновение — это имя нового языка.»

Опыт Global Power Shift, на протяжении недели в Стамбуле обучавший 600 климатических активистов из 136 стран, даёт пример того, как выглядит строительство движения. Затем организаторы и финансирование расходятся в более чем 80 стран. Блокирование угольных шахт, отрезание нефтяной инфраструктуры — отрезать предложение — это более прямое вмешательство, чем управление спросом. Проекты картирования экологической справедливости делают видимым, какие сообщества несут экологическое

брремя экономического роста, кому принадлежат ресурсы, кто получает прибыль и кто страдает. Рабочие группы политической экологии, глобальные атласы экологической справедливости — это инструменты, связывающие местное сопротивление с глобальными узорами.

Но есть напряжение: как связать эти международные сети с 40–50 местными сопротивлениями, идущими в собственной географии Турции — сельскими борьбами против плотин, гидроэлектрических проектов, горных операций? Интеллектуальные круги и сельские сопротивления в значительной мере оторваны друг от друга. Борьбы против добычи в Бергаме, против ГЭС в Артвине, против расширения угля в Ятагане, против планируемых станций рядом с храмом Лагины идут сами по себе. Моменты сцепки — антинеаклеарное движение против Аккую, Бергама — бывают коротки и редки.

Почему так дробно? Как связать организованное сопротивление между собой? Как интеллектуальное и художественное производство может подойти к сельской борьбе, не присваивая её и не искажая? Необходимо выйти за пределы чистой оппозиции — постоянного «нет» — и производить альтернативные рамки. Зелёная политика как раз и отличается от чистого зелёного активизма этой способностью развивать позитивное политическое видение.

ЕСЛИ ТАКОЕ СУЩЕСТВО МЫ

Самый тёмный голос — самый провокационный. Он несёт глубокий антропологический пессимизм относительно разрушительности человеческого вида: если человечество — такое существо, то для него очень хорошо было бы исчезнуть, говорит он.

«На самом деле нам не нужна значительная часть населения мира. Если из семи миллиардов завтра утром исчезнут три с половиной — четыре миллиарда, ничего в жизни ни у кого из нас не изменится.»

Это не ненависть, а откровенное прочтение логики современного капитализма. Разве не человеческое общество создало нынешнее положение? Концентрация элитной власти беспрецедентна. Шестое Великое вымирание уже началось — как неизбежный исход человеческой цивилизации. С природой, в сущности, ничего не произойдёт — то, что мы уничтожаем, это условия жизни одного биологического вида. Понятие «Космического корабля Земля» недостаточно; проблема не в индивидуальном поведении, а в самой структуре цивилизации. Связь, которую человек строит с природой, эгоцентрична — он отделяет себя от природы, отделяет свою культуру от природы, и так до сегодня.

Но этот пессимизм не ведёт к параличу. Напротив: готовность работать против всего, что может ускорить вымирание, рождается не из надежды, а из этической необходимости. Продолжать без гарантии успеха — потому что продолжать надо. Это накопление, которое несёт левая интеллектуальная генерация до 1980-х: опыт послепереворотного поражения, связи с немецким движением «Зелёных», линии борьбы, прошедшие с феминистками, экологами, социалистами по отдельности и вместе.

Документальное кино — это форма свидетельства и критической вовлечённости. Эстетические и поэтические модусы коммуникации стоят бок о бок с аналитическими. Этот голос, участвовавший в экологических кампаниях, но не позиционирующий себя как экологического эксперта, несёт свободу смотреть со стороны движения.

Опыт Торо в Уолдене вспоминается как практика подходящего масштаба. Доклады Римского клуба, «Шестое вымирание» Элизабет Колберт, прочтение человеческого вида у Харари — все они сходятся к одной точке: ни технологический утопизм, ни наивный экологизм не достаточны.

БЕЗ ПОЧВЫ НЕТ КУЛЬТУРЫ

Архитектор-куратор начинает с того, что подвергает сомнению саму терминологию. Слово «природа» — понятие, целиком управляемое нами самими. Формулировка Фернандо Пессоа резка: «Природа — это болезнь нашей головы». Разделение человек/природа — это сама проблема, а не решение.

«„Каиде“ — слово, очень хорошо садящееся в турецком. „Каиде“ значит и основание, и правило. Правило мы определили так: нет почвы — нет земледелия, нет земледелия — нет города, нет города — нет культуры.»

Проект «Каиде» — почвенные модули 50×150×50 см, поставленные на площади Таксим, рядом с парком Гези — приглашает фермеров, поэтов, коллекционеров, музыкантов производить вместе с почвой. Он расшатывает допущения о городском земледелии. Почва — не сырьё, а форма отношений. Поставить в центр человека и как субъекта, и как объекта — но хотя бы на минуту дать почувствовать, что он не в центре всего.

Выставка «Aşı» («Прививка») исследует плотины на Евфрате и Тигре — использует метафору прививки, чтобы связать экологическое и политическое преобразование. Вопрос «Кто даёт нам право строить стену поперёк реки?» — не технический, а онтологический. Проект «Herbarag» исследует семенной покой — ставит под сомнение пределы принудительного производства искусственным световым спектром в теплицах, пределы вмешательства в природные циклы. Технология очень нас прельщает: мы можем что-то изменить, поставить красивую плотину против природы — «Вау, что я сделал!». Но это очарование — форма господства.

Встреча в Париже с лидерами индейцев кайяпо коренным образом преобразует мышление. Реакция коренного лидера в Музее естественной истории: «Здесь только мёртвые. Там, откуда мы пришли, природа жива, отношенческая, соучаствующая». Мы живём с ними, мы с ними — одно, и эта целостность — она бьёт человека. Мы там ещё раз видим, какую ложь мы делаем. Западная система знания построена на превращении живых отношений в мёртвые коллекции. Это эпистемологическое насилие — в самом сердце экологического кризиса.

МУЗЕИ И МЁРТВОЕ ЗНАНИЕ

У музеев — огромная возможность; от 7 до 70 лет все воспринимают их как надёжное хранилище знания. Но нынешняя музейная практика скорее подавляет экологическое сознание, чем производит его. В Турции нет музея естественной истории — фундаментальная институциональная пустота. Существующие музеи — «бутики», а не настоящие институции.

«Я не могу пройти по музею, не сжимая горло, не проходя через стадии падения, головокружения. Я просто не могу там ходить. Потому что там только мёртвые.»

Экокритическая музеология предлагает заново продумать не только музеи естественной истории, но все музеи. Музей может перестать быть местом, подающим содержание об окружающей среде, и стать институцией, фундаментально подвергающей сомнению сам способ производства знания и сознания. Модели экологической демократии — общинное управление, безыерархическое принятие решений, местная автономия — можно адаптировать к музейной практике.

Влияние Бруно Латура, рамка экологической демократии Доминика Бурга и Керри Уайтсайда, соучаствующие и со-творческие музейные практики — всё это часть усилия по смещению производства знания от академической добычи к практике, центрированной на сообществе. Инициатива Центра «Искусство + Среда» Невадского художественного музея 2009 года, международные сети экологических музейных практиков — структуры, которым в Турции пока нет

ответа, но которые должны бы быть.

Обсуждается и понятие антропоцена — геологической эпохи, определённой господством человека. Критика ясна: какие люди? Какой *anthropos*? Несёт ложную универсальность, скрывает разницу властей, может стирать коренные альтернативы. Но одновременно необходимо называть нынешний кризис. Музейные выставки всё больше обращаются к антропоцену — могут ли они делать это ответственно, и как, остаётся открытым вопросом.

ПРЕДЕЛ ЯЗЫКА, ПРЕДЕЛ МЫСЛИ

Одно из самых глубоких напряжений встречи — вопрос языка. Слова, которыми мы обсуждаем окружающую среду и экологию — «природа», «среда», «охрана», «сохранение» — несут проблемные предпосылки. «Природа» обозначает нечто отдельное от человека; взгляд, говорящий «нет природы — есть дерево, есть овца», отвергает эту абстракцию. «Среда» превращает мир в нечто обёрнутое вокруг человека. Научная терминология создаёт дистанцию между экспертом и народом. Музейный язык — антропоцен, охрана, сохранение — всё несёт проблемные предпосылки.

Здесь двойная задача: критика унаследованной терминологии и создание новых слов, укоренённых в конкретных местах и отношениях. Не как романтический примитивизм, а как эпистемологическая необходимость. Различие «первозданной» и искусственной природы рушится — вся современная природа опосредована изменением климата, загрязнением, человеческим дизайном. Но и люди — часть природы; наши вмешательства могут быть отношенческими, а не доминирующими. Прививка — grafting — как метафора ненасильственного технологического вмешательства противопоставлена плотине, добыче, экстрактивизму.

«Отношения дерсимских алевитов с землёй, горой, водой через Хызыра не схватываются языком „охраны“ — но кодируют утончённое экологическое знание. Сакральное измерение, подавленное светским экологизмом, открывается именно здесь.»

Обсуждается, как монотеистические религии изменили нашу связь с местом: умирает Пан, сакральная природа становится товаром, открытым для человеческого использования. Но и наивного возврата к религии здесь нет. Заново открыть сакральную отношенность через новые/старые практики — нужно измерение уважения, заботы, почтения, превосходящее расчёт. Когда этика окружающей среды сводится к чистому расчёту, к управлению ресурсами, она разрушает именно те отношения, которые надлежит сохранить.

Вспоминается принцип земледельцев гамо: бери столько, сколько нужно, и никогда не больше. Сознание Гайи у догонов — прямая связь с Землёй как с живым отношенческим существом. Это не метафорические, а онтологические утверждения. Мысль Мишеля Серра даёт философскую рамку этой отношенности.

К этому обсуждению привязан и временной опыт детей. Существа, явившиеся в мир с нашей помощью, существа внутри нашего дома, существа, которых мы якобы воспитываем — они живут в другом времени. Времени отличном от линейного времени взрослых — телесном, отношенческом, укоренённом в настоящем. Климатический кризис — это и нарушение режимов времени. Новые формы существования включают и новые временные способы становления.

ДРУЖБА — ЭТО ИНФРАСТРУКТУРА

Возможно, самый неожиданный итог встречи — переоткрытие дружбы как политической формы. Понятие «philia» у Ивана Иллича — любовь/дружба к другому, отношенность, простирающаяся к нечеловеческим другим — встаёт в центр обсуждения.

«Мы так омеханизировали этот вопрос, увели его к научной, механической, академической и даже профессиональной точке... мне кажется, мы оторвались от чего-то.»

Профессионализация механизировала климатическое и экологическое движение в Турции. Начальные органические отношения — основанные на дружбе и совместной приверженности, рождавшие спонтанное творчество — превратились в формат симпозиумов, циклы финансирования, выстраивание карьер. Период 2009–2013 годов произвёл важные кампании, опиравшиеся на личные связи, на спонтанное творчество, на подлинную дружбу. Но последовавшая институционализация утратила творческую продуктивную способность; движение откатилось в оборону. Момент Гези был примером органического рождения — последующая профессионализация — потеря.

В этой оторванности есть и доля художников и писателей. Они охотно подписывают декларации солидарности, но не делают существенной работы. Есть структурные причины: институциональные давления, рыночная логика, профессионализация. А ведь литература и искусство могут быть не только средством коммуникации, но и эпистемологическим источником. Эстетический опыт может расшатать унаследованные способы мышления и восприятия. Немецкое движение «Зелёных» глубоко питалось романтической художественной традицией — эта связь по-прежнему значима.

Но надо говорить и о расстроенной любви. Чрезмерная любовь к слишком похожим, к тем, с кем мы слишком хорошо ладим — национализм, религиозная общинность, исключаящая семья — производит чужого. А настоящая *philia* — это любовь к различию: способность преобразоваться во встрече с другим, дружба через границы.

Борьба за сохранение садов Едикуле находит успех через «знакомство» — не формальное членство, а взаимное узнавание лицом к лицу. Профессиональная/институциональная логика создаёт хрупкость; сети, основанные на дружбе, прочнее. Мысль Хардта и Негри, понятие *philia* у Иллича, библейская история о Добром Самарянине — все они сходятся к одной точке: этическая отношенность — это предпосылка настоящей экологической политики.

«Вспоминается история о Добром Самарянине: „Возлюби ближнего своего, как самого себя“ — не как заповедь, а как приглашение узнать общую человечность/хрупкость через различие.»

РАБОТА В ТЕМНОТЕ

На встрече разворачивается шкала от пессимизма до надежды. На самом тёмном конце — неизбежность Шестого вымирания. На научно-стратегическом конце — радикальное преобразование, требуемое целью в 1,5 градуса. На активистском конце — наращивание импульса через гражданское неповиновение и местную организацию. На надёжно-критическом конце — малые соучаствующие проекты и экокритическая музейная работа.

Вспоминается наблюдение Валлерстайна: капитализм умирает — в своей терминальной стадии — но что придёт ему на смену, ещё не определено. Это период максимальной опасности, но одновременно — максимальной возможности. Хаотический, насильственный переход неизбежен, но альтернативы можно активно строить — недостаточно ждать.

Различие между ложной надеждой — неолиберальными «решениями», технологическими исправлениями, индивидуальными потребительскими выборами — и фундаментальной надеждой — строить настоящие альтернативы, практиковать иные отношения, расширять пространства автономии — имеет жизненно важное значение. Экологическая демократия, посткапиталистические будущие — это не предсказание, а активное строительство. Общинное управление, безыерархическое принятие решений, местная автономия с транс-локальной координацией, включение нечеловеческих других — это не утопия, а практические необходимости.

Эта встреча birbuçuk — сама и есть попытка заново выстроить органическую, дружбоцентричную интеллектуальную практику после периода профессионализации. Она моделирует то, как может выглядеть постнеолиберальная интеллектуальная жизнь: основанная на настоящих связях, перешагивающая дисциплинарные границы, укоренённая в конкретной борьбе, не боящаяся пессимизма и фундаментальных вопросов. birbuçuk своей серией встреч делает именно это — климатолог, экологический активист, документалист, архитектор-куратор, музейщик за одним столом, с одним вопросом: как нам делать иначе?

Нужно вести и учёт отсутствий: голоса рабочего класса и бедных сообществ, обсуждение конкретных экономических альтернатив, исламская экологическая мысль, прямые представители движений сельского сопротивления — этого недостаёт, и встреча осознаёт это отсутствие. Честная оценка — это и видение того, чего нет.

И самое важное: разговор не разрешает, он углубляет. Участники не уверены, каковы следующие шаги — но они больше осознают, что поставлено на кон. Цель в полтора градуса создаёт срочность, но не воспроизводит логику паники. Акцент на дружбе и *philia* предлагает альтернативу и сдавшемуся цинизму, и насильственному оптимизму. Это интеллектуальная честность и политическая необходимость.